

17. *Korsgaard Christine*. The Sources of Normativity. Cambridge: Cambridge University Press, 1996.

18. *Mill John Stuart*. Utilitarianism, ed. George Sher. 2nd ed. Indianapolis: Hackett, 2001.

19. *Thomas Aquinas*. Summa Theologia. New York: McGraw-Hill, 1964⁴.

В.А. КОНЕВ

(Самарский государственный университет)

Условные и безусловные законы бытия человека

Величие Канта — в абсолютной неожиданности для всей прошлой истории его мысли: вопреки предшествующей традиции он стал искать ответ не на вопрос «Что это есть?» (мир, бытие, знание, человек и т.д.), а на вопрос «Как это возможно?». Необычность мысли Канта в том, что вместо ожидаемого для всех разъяснения состояния и содержания чего-либо философ обратился к выяснению способностей человека, позволяющих ему приходиться к тем или иным состояниям и содержанию, которые ему необходимы. Кантовская философия прямо вводит человека во все рассуждения и ситуации — не что есть вещь, а как она возможна для человека, не что есть добро, закон или справедливость, а как они возможны в мире человека и т.д. Невольно приходит на мысль, что Кант похож на мудрого посланца высококоразвитой цивилизации, который знает, что никакое заветное знание о мире не будет усвоено адекватно, когда передают его содержание, а вот знание своих способностей и умение их использовать не может не быть воспринятым и не может быть не усвоенным. Поэтому к философии одинокого кёнигсбержца постоянно обращается вся последующая история, как только в ней возникает какая-нибудь серьезная проблема.

⁴ Цитируется путем указания части и вопроса.

Для российского общества такая серьезная проблема последнего времени — проблема порядка, проблема преодоления любимого состояния российской истории — смутного времени. Но как возможен порядок человеческого мира?

Идея порядка мира, состоящего из сингулярностей, возможно, самая древняя идея культуры. Более того, само зарождение культуры было для человеческого мира утверждением его порядка и одновременно объявлением для человека, если не понимания, то различения идеи порядка и беспорядка (хаоса). Все древние мифологии различают космос и хаос, если воспользоваться греческими терминами, для всех хаос — это беспорядок, дисгармония, это отсутствие определенности и возможности предвидения, а космос — это порядок и гармония, здесь все определено, предсказуемо, здесь каждое явление имеет свое место и предназначение. Порядок космоса, по представлениям древних, определен судьбой, которая является окончательным первопринципом и всего божественного, и всего вещественного, и всего человеческого. Эта судьба всегда тождественна сама с собой, а потому реализуется независимо от ситуации, независимо от каких-либо условий. Если Эдипу было суждено убить своего отца и жениться на своей матери, то, что бы ни предпринимал Эдип, чтобы избежать судьбы, она все равно исполнится.

Культура, воодушевленная христианской религией, сняла оппозицию космоса и хаоса, установив оппозицию порядка провидения и хаоса неведения, когда в первом случае появление любого сингулярного состояния ожидается и принимается («Да будет свет!» — и стал свет). И увидел Бог, что свет хорош, и назвал свет днем, а тьму ночью, а во втором случае сингулярное явление оказывается неожиданным и нарушает сложившийся порядок. (И увидела Ева, что плод хорош, и ела его, и мужу дала, а потом увидели, что наги. И вынужден был человек изменять порядок своей жизни.) Из стремления преодолеть это противопоставление вырастает в новоевропейской культуре естественнонаучное представление об оппозиции предвидения порядка и неведения порядка. Теперь провиде-

ние, основанное на изначальном (онтологическом) совпадении действия и бытия (где любое «Да будет!» находит свою реализацию), заменяется предвидением, которое соединяет «Да будет» с условием «Если...»: «*B* будет, если *A*».

Порядок и место того или иного сингулярного состояния в природе наука определяет законами природы, которые указывают на отношения и связи данного явления с условиями его существования. Закон диктует порядок вещей. «Если *A*, то *B*», — такой становится формула природного порядка: если тело погружено в жидкость, то на него всегда будет действовать выталкивающая сила равная весу объема жидкости, вытесненного данным телом; если на тело не действует никакая сила, то оно всегда находится либо в покое, либо равномерно движется и т. д. Законы природы, как их осмыслила классическая наука, — это законы условий, которые с необходимостью вызывают определенные следствия. Они не знают исключений, ибо, если при наличии данных условий не происходит необходимого следствия, это означает, что закон перестал действовать, т. е. перестал быть законом¹. Предвидение, основанное на знании законов, дает человеку возможность «попасть» в существую-

¹ Классическая наука (наука Галилея — Ньютона) знала только динамические законы, которые однозначно указывали на связь тех или иных явлений и процессов с условиями. Для классической науки космос не знал хаоса. Если наука сталкивалась в природе с явлениями, которые она не могла однозначно описать, то это объяснялось еще недостаточностью знаний в науке. Физика XX века обнаружила мир явлений, где действуют не динамические, а статистические закономерности, которые не дают возможность предсказать действие конкретного явления при любом уровне знаний, а фиксируют только вероятность того или иного события. Неклассическая наука обнаружила и наличие хаоса в природе, более того, она стала говорить о законах хаоса, так как порядок и беспорядок стали рассматриваться как неотъемлемые составные части любого эволюционного процесса. Но и для неклассической науки законы природы остаются законами условий, т. е. законами, описывающими объективные ситуации появления тех или иных событий.

ций порядок вещей, а неведение (незнание законов) ввергает его в такие состояния, которые могут противоречить его намерениям, ибо они никак не влияют на существующий порядок. Необходимость закона выше человеческих желаний и свободы, а потому последняя может существовать для человека только как познанная необходимость.

Идея закона, необходимости и детерминизма пронизывает всю новоевропейскую культуру. Приверженность видеть причину порядка сингулярных явлений и состояний в законах условий их существования направляет мысль не только естествоиспытателей, но и рождающуюся науку об обществе и человеке. Она не только оформляет научную картину природного мира, но и картину мира социального. Естественный закон, считает Гоббс, заставил человека породить закон гражданский. И хотя гражданский закон является результатом разумного решения, само решение все-таки обусловлено естественным требованием — необходимостью сохранения жизни индивида и его естественных прав. Традиция, заложенная Гоббсом, оказалась очень живучей. Практически все философские концепции, несмотря на их различие по классификации Энгельса, принимали, что законосообразность человеческого мира подобна законосообразности природного мира, ибо и там условия указывают место сингулярности. И только Кант резко противопоставил мир природы и мир истории, связав первый с действием законов условий — причина всегда уже есть как условие любого следствия, а второй — с действием безусловного закона, благодаря которому свобода изменяла свою связь с необходимостью. Теперь не необходимость предшествовала свободе, а свобода порождала необходимость. Так родился романтизм, а вместе с ним обрела свое бытие и личность.

Кантовское различие условных и безусловных законов позволяет более глубоко понять законосообразность общественного и культурного мира. Онтологическим основанием социокультурного мира выступает осмысленное действие человека, в котором и благодаря которому любое конкретное явление получает свое социальное существование и соотносится с

другими явлениями. Поэтому основание порядка сингулярных явлений человеческого мира следует искать в организации деятельности человека.

Деятельность человека, независимо от ее содержания, включает в себя ряд элементов: цели, средства, предметы, на которые она направлена, акты, совершаемые человеком, и результаты. В так понятой деятельности можно выделить два уровня, определяющих ее совершение, — уровень цели и актов, с одной стороны, и уровень средств и предметов — с другой. Первый уровень определяется субъектом действия, второй — от него не зависит и представляет объективные условия деятельности.

Детерминация деятельности условиями ее совершения служит основанием существования в социальной действительности объективных, т.е. от деятеля и его желаний независимых, закономерностей. К объективным условиям деятельности относятся уровень развития и материальные средства деятельности (например, орудия деятельности, ресурсы и т.п.), наличие и характер организационных средств деятельности (институций, организаций, которые позволяют выполнять деятельность), уровень развития знаний, накопленный опыт, необходимый для производства деятельности. Связи и соотношения, устанавливаемые в системе объективных условий деятельности, либо позволяют, либо не позволяют реализовать данный вид деятельности и либо дают, либо не дают возможность получить нужный результат. Поэтому можно установить корреляцию между наличием объективных условий и возможным результатом или направлением деятельности. Эти корреляции вычисляются различными социальными науками, изучающими возможные результаты конкретных видов деятельности человека и общества при тех или иных условиях.

Это объективные законы функционирования социальных систем, и они подобны законам природы, так как работают только тогда, когда наличествует данная общественная система с ее элементами и структурой. Социальные законы условий действуют во всех сферах человеческой жизни, но особенно

значимы они в тех сферах, деятельность в которых напрямую зависят от наличия или отсутствия материальных вещей. Это относится прежде всего к деятельности производства условий материального существования человека, к тому, что обычно называют материальным производством, хозяйственной деятельностью. Ход и организация производства зависят от того, какими орудиями и средствами производства оно располагает, от уровня подготовки работников, от того, что и в каких количествах оно должно производить. Поэтому порядок общественного производства, процесс его функционирования, тенденции его изменения могут быть предсказаны с достаточной вероятностью. Поскольку в конечном счете любая деятельность человека требует каких-то предметных оснований, то сфера материального производства оказывается значимой для всей жизнедеятельности человека, что дало основание для рождения концепции экономического детерминизма в социальной философии. Экономический детерминизм видит основание порядка общественной жизни в материальных условиях человеческого существования, где действуют объективные, не зависящие от человека закономерности общественного функционирования и развития. Рациональность *homo aeconomicus*, который существует в мире продуктов и строит свою деятельность на базе наличного здесь-и-сейчас достояния деятельности, дает возможность рассчитывать и создавать определенные ситуации, а тем самым и определять поведение людей в этих ситуациях.

К социальным законам условий следует отнести также и детерминацию деятельности со стороны форм ее организации. Формами деятельности выступают сложившиеся в сообществе отношения между людьми, которые закрепляются традицией, правилами действия, в конечном счете представлениями о должном поведении, коллективными верованиями, как говорил Дюркгейм, или фоновыми ожиданиями (А. Шюц). Традиции и коллективные верования (установки) объективны и принудительны, они велят и запрещают, и этот способ детерминации, хотя и отличается от детерминации, которая вынуждает (на-

пример, законы рынка вынуждают продавца и покупателя действовать определенным образом, даже если они не хотят этого), а не принуждает, является действенным способом упорядочения человеческого мира. Закон традиции и закон установки работают в любом сообществе, но особенно значимы они на ранних этапах истории общества и в сфере повседневной жизни людей. Эти законы говорят о форме регуляции взаимоотношений, но не о конкретном содержании этих отношений, которое в каждом конкретном сообществе свое. Форма же регуляции, т. е. действие закона (закон действует тогда, когда соблюдается определенная форма), предполагает, во-первых, что есть внешняя по отношению к индивиду сила воздействия, и, во-вторых, что индивид должен признать её как необходимую для себя. Поэтому от индивида теперь требуется не умение распоряжаться вещами (производить, потреблять, использовать, расставлять и т. д.), а умение жить с другими, принимать их ожидания и верования. Из *homo aeconomicus* он превращается в *homo credens* (человека верующего).

Законы установки и традиции выступают законами социальности, так сказать, дважды, так как без них нет сообщества, и так как они есть требования самого сообщества. Здесь мы встречаемся с одной из главных особенностей закономерностей, действующих в социальной действительности, — социальная закономерность становится объективным основанием порядка человеческого мира, если сам человек это основание конституирует. Закон, порядок в человеческом мире не предшествует этому миру, не является чем-то внешним по отношению к миру человеческих действий и от них независимым (как считали, например, греки, принимая судьбу), но он и не является произвольным, волюнтаристским (как считали, например, сторонники общественного договора). Он закон возникающего бытия. А возникающее бытие требует действия человека. Действие же человека так устроено, что оно изначально (философия скажет *a priori*) допускает случившимся то, что еще не

случилось². Поскольку любое сингулярное явление социаль-

² М. Хайдеггер в «Бытии и времени» для характеристики подобного феномена вводит понятие «априористический перфект» (или онтологический перфект, трансцендентальный перфект) [3, с. 85, 441]. В гл. 3, § 18, носящем название «Имение-дела и значимость; мирность мира», посвященном выяснению проблемы понимания мира и его объективности, Хайдеггер анализирует структуру бытия «подручного», т.е. того, с чем имеет дело Dasein (в переводе В.В. Библихина — Присутствие), когда оно озабочено миром. Бытие подручного, указывает философ, имеет структуру отсылания. Это значит, что оно как сущее без чего-то не может быть. С ним всегда в чем-то дело, поэтому характер бытия подручного есть *имение-дела* [3, с. 84]. Подручное всегда есть целое *обстоятельство*, целое *имение-дела*, это его *онтологическое* определение, а не онгическое высказывание о нем. Имение-дела — это целая цепь отсыланий, в которые включено подручное: *то-с-чем* имеют дело, *к-чему* пригодно, *для-чего* применяют и т.д. Так целость имения-дела конституирует, например, подручное мастерской, усадьбы, квартиры и т.п. Структура имения-дела ведет к Присутствию как своей основе. Присутствию по своему бытию присуще «допущение быть». Присутствие априорно допускает имение-дела как условие встречи подручного. Хайдеггер называет это условие «априористическим перфектом» (или онтологическим перфектом, трансцендентальным перфектом), всегда-уже-допущенность-имения-дела. Априористический перфект характеризует образ бытия самого Присутствия. Присутствие не может быть, если оно такого априори не имеет, т.е. заранее не предполагает случившимся то, что еще не случилось. Присутствие так устроено, что оно знает мир через сподручное, а эта сподручность в нем, в Присутствии, есть как априори имения-дела: беря *любое* сущее, Присутствие уже берет его как подручное = опережающе выдает его как элемент мира.

Априорное допущение имения-дела есть *до* всякого конкретного раскрытого имения-дела. И это *до* есть условие раскрытия бытийной возможности *неприсутствия*размерного сущего [3, с. 85], т.е. сущее внутри мира раскрывается (узнается) через механизм «допущения-имения-дела», или через априористический перфект, через включение в целое обстоятельство. Но само целое обстоятельство, т.е. «имение-дела», не есть сущее и не может быть раскрыто через этот механизм, оно должно быть *разомкнуто*. Это значит, что Присутствие должно *понимать* свое *бытие-в-мире*, понимать мир. «Опережающее размыкание того, на что затем происходит отпусkanie внутримирного встречного,

ного бытия имеет структуру отсылания, т. е. всегда представляет собой какие-то *обстоятельства дела*, цепь отсыланий, то действия человека априори (заранее, до своего свершения) предполагают (исходит из того...), что *уже* есть порядок, что *уже* *обстоятельства* дела сложились и необходимо действовать, сообщаясь с ними. Тем самым эти обстоятельства и их порядок, система отсыланий и смыслов утверждаются действиями человека. Парадокс социального порядка (а вместе с тем и социальной за-

— пишет Хайдеггер, — есть не что иное, как понимание мира, к которому Присутствие как сущее всегда уже относится» [3, с. 86].

Это понимание мира выражается в способности Присутствия из своего «могу», ради которого оно само есть, отослать от «ради-чего» к «с-тем-чтобы», от него к «для-этого», потом к какому-либо «в-чем дело», а последнее к «с-чем-дело». Эта структура вопросов и есть *мирность* мира. Эта структура мира есть *значимость*, в которой Присутствие может схватить *на-значение* отсыланий, где каждое отсылание *на-значает* следующее [3, с. 87]. Хайдеггер дает такую дефиницию феномена мира: «*В-чем себя-отсылающего понимания как в-видах-чего допущения сущему встретиться бытийным способом имения-дела есть феномен мира*» [3, с. 86]. При переводе на «человеческий» язык это означает: феномен мира — это то, как Присутствие понимает *в-чем* сущее встречается. Хайдеггер не говорит, *что* есть мир, он говорит, *как* мир может быть доступен, как он являет себя Присутствию. Поэтому мир есть такое состояние Присутствия (его экзистенциал), *в чем* (в каких отсыланиях) Присутствие уже себя понимает и *в-видах-чего* (в каком направлении) оно заранее допускает возможность встречи сущего как внутримирного средства.

Мирность мира обнаруживает себя в способности Присутствия допускать быть сущее в определенных связях и отношениях. Значит ли это, что мир субъективен? Нет. Мы знаем мир через свои отношения с ним, но эта «релятивная система» (система отношений) как конститутив мирности не ликвидирует (Хайдеггер говорит «не испаряет») бытие внутримирно подручного, более того, только на ее основе возможно открытие «субстанциональности» сущего, что и делает наука [3, с. 88]. Так и мир социальный, хотя он и конституируется на основе устанавливаемых действующим человеком отнесений, но имеет объективный порядок, так как сам человек и его действия существуют внутри мира.

кономерности) заключается в том, что, действуя, *как будто* порядок уже есть и требует своего соблюдения, действующий индивид тем самым делает порядок действительным, соблюдает его. Социальный мир не может существовать, если такого исходного начала, такого априористического перфекта (формы свершения *a priori*) в структуре действия человека нет. Такова онтологическая характеристика человеческого действия, таков априорный закон деятельности, который несет в себе возможность онтического порядка (конкретной законосообразности, доступной научному познанию) человеческого бытия.

Социальные законы условий вписывают конкретность и сингулярность в сложившийся порядок, это законы повторения, которые стабилизируют социальную действительность. Но, во-первых, их проявление обнаруживается только в активности действующего индивида, и, значит, индивид должен начать действовать *независимо* от требований подобных законов. Поэтому наличие только законов условий недостаточно для существования социальной действительности. Необходима еще сила, активизирующая действия человека спонтанно. Во-вторых, и это наиболее существенно, законы условий не детерминируют изменений социальной действительности. Чтобы произошли изменения, должно случиться нечто, выходящее за границы сложившихся ситуаций, следовательно, это нечто не может быть порождено существующими условиями, должно быть *независимо* от них. Значит, должна быть сила, выводящая человека за пределы ситуации и действующая вопреки сложившимся условиям. Что это за сила? Это сила цели.

Цель входит в структуру деятельности и определяется субъектом действия. По меткому замечанию И. Канта, цель есть отрицательное определение ситуации, т.е. цель возникает тогда, когда субъект действия не удовлетворен существующей ситуацией и стремится выйти из нее. Цель выводит человека за пределы наличного, относит его к тому, что здесь-и-сейчас не существует, но должно появиться, тем самым ставит его в ситуацию смысла и открывает ему бытие социального. Поэто-

му осмыслять цель — значит открывать для себя бытие своего мира, стоять в просвете бытия, если воспользоваться выражением М. Хайдеггера. Эта формула немецкого философа очень выразительна, она указывает на самое существо самостоятельного действия человека, который, ставя цель, действует в свете необходимого бытия. Быть в просвете бытия означает быть захваченным его светом, переживать его нудительную силу как силу долженствования, если воспользоваться теперь выражением М. Бахтина³.

Нудительная сила открывающегося бытия вводит человека в область действия особых законов социального мира — законов цели. Законы цели раскрывают онтологическую ответственность действия человека. Они детерминируют активность действующего человека, и эта детерминация идет в двух направлениях, в одном случае они ориентируют индивида на признание действительности, в другом — на преодоление ее.

В первом случае цель обнаруживает онтологическую природу долженствования действия человека. Когда действующий индивид определяет цель своего действия, он выстраивает деятельность как единое и целостное событие. Деятельность, детерминируемая *causa finalis*, открывает деятелю бытие как событие.

³ В своем черновом наброске, получившем название «К философии поступка», который был написан М.М. Бахтиным в 1921—1924 годах, отечественный мыслитель почти за 5—7 лет до выхода в свет «Бытия и времени», высказывает сходные с фундаментальной онтологией М. Хайдеггера идеи. В частности, Бахтин вводит понятие единственное бытие-событие, которым описывается то подлинное бытие, которое реально есть и которое открывается только изнутри действительного поступка, действия человека. Единое и единственное бытие-событие, мир как событие — это всегда мир, который дан мне с моего единственного места как конкретный и единственный, пишет Бахтин [1, с. 124]. Человек всегда занимает в бытии единственное, неповторимое, незаменимое и непроницаемое для других место и не может этого избежать. «Единственность наличия бытия — нудительно обязательна», — утверждает Бахтин [1, с. 112].

Оно перестает быть бытием абстрактных определений, порядок которого поддерживается законами условий, а становится единым и единственным бытием-событием, порядок которого зависит от действия человека, причем действия *этого* человека здесь-и-теперь. Такое действие есть всегда личностное, *мое* действие. Факт моей причастности к единому бытию-событию не может быть адекватно выражен в теоретических терминах, а лишь описан и пережит в экзистенциальных понятиях.

Таким исходным понятием выступает экзистенциальное понятие *моего не-алиби в бытии*, которое вводит М. Бахтин. То, что мною может быть совершено, никем никогда совершено быть не может. Этот факт *не-алиби в бытии* не узнается и не познается, а признается и утверждается поступком, действием. Мое не-алиби в бытии гарантирует наличие единой единственности мира, в котором свершается поступок. В последнем соединяется моя единственность (никто другой в единственном времени и единственном пространстве единственного бытия не находится) и единственность мира, которому я в этот момент и в этом пространстве сопричастен. Мое не-алиби в бытии нудительно: я не могу избавиться от себя, от своего места в мире и этого мира, я *должен* принять это, я должен признать долженствование.

Так через *causa finalis* в человеческий мир входит закон долженствования. Для Канта долженствование было неотъемлемым свойством морального закона. А откуда оно и каков его источник — это было тайной для немецкого философа. Для М. Бахтина долженствование не имеет не только определенного и специального содержания, нет ни научного, ни эстетического, никакого прочего долженствования, нет даже специально этического долженствования. Долженствование, как справедливо считает М. Бахтин, есть категория индивидуального поступка, даже, более того, категория самой индивидуальности, единственности поступка, его незаменимости и незаместимости, единственной «нудительности», его историчности. Долженствование как проявление действия и действующего субъекта

входит в их структуру, оно заключается в онтологической обязанности индивида реализовать свою единственность. Его нельзя познать, но его, долженствование, можно признать, открыть как факт своей жизни. Не конкретное содержание чего-либо (нормы, закона, положения и т. п.) обязывает, а действительный факт признания и утверждения своего не-алиби в бытии. А это эмпирически проявляется в способности человека определить и принять цель действия.

Таким образом, может быть разрешена одна из тайн, которая поражала воображение великого Канта, — тайна наличия нравственного закона в душе человека: нравственный закон, закон долга есть способ явления для индивида его единственного места в бытии, его единственности. И чем больше развита в нем эта единственность и индивидуальность, тем больше выявляется для него долженствование и его ответственность за бытие мира.

Итак, долженствование есть закон бытия человеческого мира. Само действие этого закона не зависит от конкретного содержания деятельности и конкретной ситуации, долженствование характеризует форму существования индивидуальности в мире индивидуальных событий. Поэтому прав был Кант, относя нравственный закон к априорным требованиям практического разума, — долженствование безусловно, оно не определено никаким содержанием, оно формально, оно само является условием появления любого содержания в социальной действительности. Так обнаруживается существование совершенно особых законов социального мира — законов безусловных, законов, действующих независимо от ситуации. Такими законами и выступают законы уровня целей, детерминирующие отношение деятеля к условиям деятельности.

К такому типу социальных законов относятся нравственные законы. Действие нравственных законов развивает другую сторону онтологической природы цели. Если через объединение различных средств деятельности *causa finalis* раскрывала смысл долженствования (каждый фрагмент средств должен быть увязан с целым), то благодаря сопряжению в цели

бытия и небытия (цель выступает отрицательным определением ситуации), *causa finalis* ставит человека в ситуацию оценки. Целеполагание вводит человека в дискретный мир, так как разделяет действительность на то, что есть, и то, что не есть, но должно настать. Ориентация в дискретном мире, т. е. в мире, в котором онтологически присутствует небытие, эту дискретность утверждающее, с необходимостью порождает *различное* отношение к дифференцированному бытию. Это различное отношение выражается в появлении оценки. Знание характеризует сущее и его бытие, а оценка — бытие сущего в горизонте его небытия — если его нет, но требуется его появление, сущее оценивается положительно, а если оно есть, но требуется его устранение, сущее оценивается отрицательно. Оценка побуждает к деятельности, так появляется детерминация деятельности оценкой. На этой онтологической основе в культуре появляются и закрепляются фундаментальные законы человеческого мира — нравственные законы.

Как всякие законы, они утверждают определенный порядок. Этот порядок утверждается тем, что, оценивая поведение человека, они требуют такого поведения, которое необходимо в сообществе. Причем они требуют такого поведения независимо от того, есть для этого условия или нет (например, отступление от морального требования «Не кради!» не может быть оправдано никакими ссылками на трудные обстоятельства жизни и т. д.). Более того, нравственные законы не перестают действовать даже тогда, когда их нарушают. От того, что люди постоянно убивают друг друга, лгут, вредят друг другу, такие нравственные максимы, как «Не убий!», «Не лги!», «Помогайте друг другу!» и т. п., не перестают быть нравственными законами. Никакой закон условий не сохранится как закон, если при наличии данных условий не будет наблюдаться необходимое следствие. Но безусловные законы потому и безусловные, что они действуют всегда.

Они выступают абсолютным основанием оценки людей, вещей, действий, ситуаций. Конечно, нравы людей разных сообществ и исторических эпох различаются — правила поведе-

ния, обычаи и формы действия относительны. Но каждая относительная система оценок существует для себя как абсолютная, иначе оценка перестает быть оценкой. Абсолютность является формой существования оценки и условием ее действия. Именно это позволяет законам, основанным на оценках, быть законами безусловными. Возможно, что кроме конструктивистского основания абсолютность имеет и содержательные основания для своего существования, которые коренятся в универсальных особенностях жизнедеятельности человека. Это дает возможность, несмотря на всю относительность оценок, людям разных культур и эпох понимать друг друга, соотносить свои оценки, иметь сходные принципы, определяющие начала действия человека.

Безусловные законы выступают объективными требованиями по отношению как к конкретному индивиду, так и к сообществу. Это и позволяет быть им подлинными хранителями порядка человеческого мира. Тогда, когда рушится нормальное состояние общественной жизни, когда распадаются устоявшиеся связи и отношения, когда наступает «смутное время» в истории, то выход из ситуации общественного хаоса один — действовать вопреки обстоятельствам. Не ждать установления порядка, чтобы поступать порядочно, а достойно и порядочно вести себя, чтобы порядочность и достойная человека жизнь установилась.

Так еще раз убеждаемся в продуктивной ёмкости кантовской мысли. Гениальное открытие в человеческом мире действия категорического императива как безусловного закона, который проявляется в том, что «... каждое разумное существо должно поступать так, как если бы оно благодаря своим максимам всегда было законодательствующим членом во всеобщем царстве целей» [2, т. 4(1), с. 281]⁴, позволяет понять, как личностное начало, а через него и всякое сингулярное явление

⁴ Кант, как известно, дает несколько формулировок категорического императива, но так или иначе все они указывают на его безусловность и обязательность в любой ситуации, что и делает возможным существование самого царства целей, т.е. мира человеческого бытия.

в человеческом мире сочетается с общезначимым, как оно вписывается в общезначимый порядок. Ничто и никогда не станет общезначимым до тех пор, пока оно не будет осознано как собственный закон действующего человека. Именно действующий человек, реализующий экзистенциальную способность человека, его практический разум, является первой и последней причиной всякого порядка социокультурного мира. Он считается с условиями своего существования, но именно он же их и создает. Понимание *моей* ответственности за мир — это главное условие порядка человеческого мира.

Список литературы

1. *Бахтин М.М.* К философии поступка // Философия и социология науки и техники. Ежегодник: 1984—1985. М., 1986.
2. *Кант И.* Соч.: В 6 т. М., 1963—1966.
3. *Хайдеггер М.* Бытие и время. М., 1997.